

— Начну с начальной школы... Плохо помню.

Сяо Жун говорила спокойно. Все присутствующие члены семьи Цзоу были из обеспеченных семей, никто из них не начинал помогать на кухне в таком раннем возрасте, поэтому они очень удивились.

Цзин Тяньюэ вспомнила, как Сяо Жун рассказывала о своём прошлом, но всегда лишь наполовину. Эта малышка очень любила интриговать, не раскрывая всего, прямо и косвенно намекая: «У меня есть секреты, ты должна продолжать обращать на меня внимание, продолжать любить меня».

Её методы не были низкими, в них была наивная, но кокетливая игра, которая вполне могла удержать человека.

Поэтому сейчас Цзин Тяньюэ была готова на это и даже наслаждалась.

Сяо Жун почувствовала, что говорить об этом в такой обстановке немного странно, и с улыбкой сказала:

— Просто помогала по хозяйству.

Но все поняли, что это было не совсем так.

Когда они сели ужинать, Сяо Жун наконец встретила родителей Цзин Тяньюэ.

Цзин Тяньюэ была младшей дочерью, и мать родила её в довольно зрелом возрасте, поэтому оба родителя выглядели немолодыми.

Сяо Жун обратилась к ним «дядя» и «тётя». Она улыбалась очень уместно. Цзин Тяньюэ старалась поддерживать непринуждённую атмосферу, и обед прошёл очень гармонично.

Только вот... подарки были слишком дорогими.

Сажаясь в машину, Сяо Жун всё ещё чувствовала неловкость.

Цзин Тяньюэ, увидев её нахмуренный лоб, нашла это забавным, протянула руку и погладила её между бровей:

— Что такое? Не нравится?

Сяо Жун:

— Ключи от машины... эта карта... э-э-э...

Кто дарит машину при первой встрече?

Часы — это ещё куда ни шло. Брошь — тоже можно.

— Мой брат просто такой. Видимо, ты ему очень понравилась.

Сяо Жун:

— Правда?

Она сказала:

— Приятно, когда тебя любят.

Но Цзин Тяньюэ уловила в её словах нотку горечи. По дороге домой она спросила Сяо Жун:

— Твои родители плохо к тебе относились?

Сяо Жун:

— Всё было нормально.

На её запястье висела подарочная коробочка от Шэнь Ци. Красный шнурок особенно ярко выделялся на её белоснежной коже. Сяо Жун закрыла дверь машины той же рукой и сказала:

— Ты же знаешь.

Как Цзин Тяньюэ могла не знать? Но прошлое, зафиксированное чёрным по белому, можно было понять лишь в общих чертах.

Один год на бумаге — это триста шестьдесят пять дней, которые прожила Сяо Жун.

Её удочерила семья Сяо, и с пяти до семи лет она жила как единственный ребёнок.

Приёмные родители взяли её из приюта именно потому, что не могли иметь своих детей. Позже они потратили большие деньги на ЭКО, несколько раз безуспешно, и лишь в конце концов забеременели. Родной ребёнок — это совсем другое дело.

Семья была небогатой, у входа на рынок стояла лавка с жареной уткой. В детстве Сяо Жун часто помогала присматривать за магазином. Она сидела снаружи, наблюдая, как вращается гриль, словно жизнь проходила день за днём в таком же круговороте, а из дома доносился плач ребёнка.

Её неблизкий брат требовал то одно, то другое.

В маленьком городке был только один рынок, и все её одноклассники знали, чем занимается её семья. Детское соперничество иногда копирует поведение родителей.

«Не играй с ней, её семья торгует овощами».

Жареная утка как еда пахла вкусно, но люди, годами работавшие в лавке, пропитывались этим запахом, который, казалось, невозможно было отмыть, сколько бы стирального порошка ни добавляли.

Её не любили одноклассники, избегали из-за сплетен.

Сяо Жун не любила места, где было много людей, и не любила ходить в школу. С детства её хвалили за красоту, но девочки не хотели с ней дружить, а мальчики любили её дразнить.

Ей нравилось в деревне, помогать бабушке пасти коров и кормить свиней — это было лучше, чем жизнь в уездном городе.

Такая семья не могла позволить себе поддерживать детские увлечения. Сяо Жун никогда не училась играть на музыкальных инструментах, большую часть времени она проводила со

стариками.

Народные песни распевались на грубоватом диалекте, мотоциклы пронеслись в утреннем тумане. Она была тихой, как камень у порога дома, без той живости, что присуща детям её возраста.

Даже позже, когда она стала знаменитой, те, кто на форумах называл себя её одноклассниками, вспоминали о ней как о незнакомой однокласснице.

Тихая, замкнутая, за три года в одном классе с ней не обменялись и парой слов.

Чёлка была длинной, она всегда опускала голову, и разглядеть её лицо было сложно.

Иногда в какой-то момент можно было заметить, что она красива, но из-за стадного чувства никто не решался сказать это вслух.

Цзин Тяньюэ лишь помнила, что снималась в этом месте. Массовку иногда набирали на месте, и это не попадало в списки, поэтому, когда Сяо Жун рассказала об этом, она удивлённо приподняла бровь.

Сяо Жун:

— Я же говорила, ты не вспомнишь.

Цзин Тяньюэ действительно не могла вспомнить.

Сяо Жун:

— Это нормально, что не помнишь. Я помню тебя, и этого достаточно.

Цзин Тяньюэ:

— Что я сказала?

Сяо Жун:

— Ты сказала, что моя сутулость некрасива, но кожа белая, и что мне не стоит всё время прятать лицо.

Цзин Тяньюэ:

— А я-то думала, что совсем сошла с ума, раз пристаю к ребёнку лет десяти.

Сяо Жун сидела на диване, заваривая чай. Её черты лица были словно нарисованы лёгкими мазками туши, и в них было трудно разглядеть ту девочку.

Причёска и одежда могли изменить слишком многое, создавая даже впечатление полного перерождения.

Но больше всего менялось внутреннее состояние.

Цзин Тяньюэ считала, что не сказала ничего особенного, но для Сяо Жун это было иначе.

На самом деле никто ей такого не говорил, и она сама не особо задумывалась о своей

внешности. Но у людей есть врождённое стремление к красоте.

Как у Цзин Тяньюэ, которая с первого взгляда увидела в ней красоту.

Сяо Жун стояла в толпе, глядя на того, кто сиял. Потом слова этого человека словно поделились с ней частичкой этого света, зажгли в её сердце огонь.

Она захотела иметь цель.

«А вдруг...»

В жизни всегда есть «а вдруг». Когда она сопровождала мать в Пекин на лечение, был шанс, что что-то изменится. В шумном городе она оставила телефон своей бабушки тому скауту, и где-то в глубине души тоже думала об «а вдруг» — о кратком, мимолётном шансе.

Когда позвонили, она чуть не выронила из рук корм для птиц.

Она сказала, что подумает несколько дней.

Через несколько дней она, взяв свои пожитки, решительно, к непониманию семьи, села в зелёный поезд.

На самом деле об этом никто не знал. Сяо Жун хранила это в глубине сердца, а для других говорила, что это была мечта.

Но мечта — слово слишком величественное. У неё не было мечты, было лишь желание — желание иметь цель.

Движущую силу.

Но она забыла, что еда портится со временем, рис бродит и превращается в вино.

А цель может превратиться в стремление.

А конец стремления — это ненасытная жадность.

Неоднократные пропущенные шансы, а затем — нежелание смириться.

А после нежелания смириться — та решимость, что позволяет вырваться вперёд, отбросив всё.

К счастью, она поставила на верное.

Она сказала:

— Иногда у меня бывают грёзы наяву. Если бы я родилась на десять лет раньше, было бы у меня место рядом с тобой?

Конечно, эта грёза была глупой.

Её уверенность перед Цзин Тяньюэ всегда длилась лишь несколько секунд.

Сказав это, она снова немного расстроилась. Время — это пропасть, его упущение заставляло её чувствовать холод.

— Но в моём будущем есть место для тебя.

Цзин Тяньюэ подняла фарфоровую чашку и легонько стукнула ею о чашку Сяо Жун.

— Давай так, Сяо Жун, — она сделала глоток, и помада оставила след на чашке.

Сяо Жун смотрела на неё, словно ожидая приговора.

— Я знаю, ты считаешь, что наши отношения начались странно. Так что давай сначала закончим их.

Сяо Жун опустила голову. Её рука сжалась в кулак.

Рука Цзин Тяньюэ легла поверх её, разжала кулак и крепко сцепила пальцы.

— На этот раз я буду добиваться тебя.

— N-O-I: Что бы вы сказали фанату, который говорит вам «Я могу»?

Лян Ии:

— Могу что? Можешь сказать понятнее?

Вэнь Фу:

— Громче!

Чжао Минъянь:

— Я не могу!!

Сяо Жун:

— Мне всё равно.

Сяо Жун была удивлена, но Цзин Тяньюэ наклонилась и поцеловала её.

— Я не шучу.

— Ты можешь строить из себя звезду, вести себя как угодно. Позволь мне начать всё сначала и завоевать тебя.

Цзин Тяньюэ говорила это с улыбкой. Её губы были полными, и Сяо Жун любила ямочку на её нижней губе. Когда их языки встречались в поцелуе, это было смертельно нежно.

— А?

Сяо Жун долго не могла ничего сказать, лишь издала один звук.

Цзин Тяньюэ:

— Ты думала, я не знаю, о чём ты думаешь? Хотела расстаться?

Сяо Жун опустила голову. На её щеке остался след помады, словно красный цветок на снегу.

— Как ты узнала?

Цзин Тяньюэ тоже сказала правду:

— Это Лян Ии мне рассказала.

После той встречи с Лян Ии и Вэнь Фу Цзин Тяньюэ добавила их в WeChat, но они почти не общались.

Вид Лян Ии, которая была в панике, был очень забавен, Цзин Тяньюэ до сих пор помнила.

Она вспомнила, что WeChat Сяо Жун она тоже добавила сама. Раньше она думала, что молодёжь слишком высокомерна, но теперь поняла, что, возможно, это действительно из-за слишком большой дистанции.

— Капитан... как так?

Они сидели на диване, прижавшись друг к другу. Было уже почти десять вечера, в комнате стояла тишина.

Авторское примечание: Двойное обновление завершено, можете поставить лайки предыдущей главе, пожалуйста!~

Эх, исправила ошибку с пунктуацией, и количество слов не совпало, так что зелёный текст оказался внизу основного текста...

<http://bllate.org/book/17670/1646962>